

Кен Лю

KEN
LIU

THE GRACE
OF KINGS

Кен Лю

КОРОЛЕВСКИЕ
МИЛОСТИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л93

Серия «Мастера фэнтези»

Ken Liu
GRACE OF KINGS

Перевод с английского *В. Гольдича*

Художник *В. Лебегава*

Компьютерный дизайн *Е. Жбанова*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Лю, Кен.

Л93 Королевские милости / Кен Лю ; [пер. с англ. В. Гольдича]. —
Москва : Издательство АСТ, 2016. — 512 с. — (Мастера фэнтези).

ISBN 978-5-17-097961-5

Двое мужчин, полные противоположности друг другу по характеру и склонностям — беспечный бездельник Куни Гару и суровый воин Мата Цзинду, сын свергнутого правителя, объединились в восстании против тирана-императора. Они быстро стали лучшими друзьями в сражениях с гигантскими имперскими армиями, драпированными шелками боевыми дирижаблями и коварными тысячелетними божевами. Но когда императорская власть падет, друзья обнаружат, что члены фракций, стоящие за каждым из них, придерживаются разных взглядов на то, как построить мир в обескровленном войной государстве.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-097961-5

© Ken Liu, 2015
© Перевод. В. Гольдич, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

ПРАВИЛА ПРОИЗНОШЕНИЯ

Многие имена на дара взяты из классического ано. В данной книге при транслитерации двойные гласные не сдваиваются, а каждая произносится отдельно: например, в слове «Refiroa» три слога — ре-фи-роа; в «Na-argoenna» четыре слога — на-ар-оэн-на. Звук «и» всегда произносится коротко; «о» — как «оу»; «и» с точками наверху звучит как форма умляута в китайском пиньинь.

Другие имена имеют разное происхождение и не содержат звуков классического ано: например, «кса» в «Ксана» или «ха» в «Хаан», но и в этих случаях каждый гласный звук произносится отдельно. Таким образом, в слове «Хаан» тоже два слога.

Список главных персонажей

Хризантемы и одуванчики

Куни Гару — поначалу прожигатель жизни, который предпочитает игры учебе, лидер шайки разбойников, а впоследствии король, император.

Мата Цзингу — юноша, благородный во всех отношениях, младший сын клана Цзингу

Спутники Куни

Джиа Матиза — дочь фермера, травница, жена Куни

Кого Йелу — чиновник в правительстве города Дзуди, друг Куни в высшем свете

Луан Цзиа — отпрыск благородной семьи из Хаана; искатель приключений, живший некоторое время среди народа тан-адю

Джин Мазоти — сирота, выросшая на улицах Димуши, охотница за удачей во время восстания

Рин Кода — друг детства Куни

Мун Чакри — мясник, один из самых свирепых воинов Куни

Тан Каруконо — старый конюх в Дзуди

Легу Рисана — вторая жена Куни, искусная музыкантша

Дафиро Миро (Даф) — один из первых встал под знамена Хуно Кримы, брат Рато Миро

Сото — домоправительница Джиа

Свита Мата

Фин Цзингу — дядя Мата, наставник и приемный отец

Торулу Перинг — старый ученый советник Мата

Тэка Кимо — повстанец из Таноа

Легу Мира — вышивальщица и певица из Таноа, единственная женщина, способная понять Мата

Рато Миро (Рат) — один из первых встал под знамена Хуно Кримы, брат Дафиро Миро

Империя Ксана

Манигэрэ — первый император Семи королевств Дара (будущий королем Ксаны — Реон)

Ириши — второй император Семи королевств Дара

Горан Пира — кастелян Ксаны, друг детства короля Реона

Луго Крупо — регент Ксаны, великий ученый и каллиграф

Танно Намен — легендарный и почитаемый полководец Ксаны

Кинго Марана — главный сборщик налогов империи

Правители Шести королевств Тиро

Принцесса Кикоми и король Понагому (Аму) — сокровище Аралуджи и ее двоюродный дед

Король Туфу (Кокру) — в прошлом пастух; призывает всех королев Тиро к объединению

Король Шилуэ (Фача) — честолюбивый, но склонный к осторожности; вторгся в Риму

Король Дало (Ган) — управляет самой богатой частью Шести королевств

Король Косуги (Хаан) — старый, потерявший вкус к авантюрам

Король Джигзу (Рима) — юный принц, выросший в семье рыбака

Повстанцы

Хуно Крима — лидер первых мятежников, выступивших против Ксаны

Дзана Шигин — спутник Хуно, лидер первых мятежников, выступивших против Ксаны

Боги Дара

Киджи — покровитель Ксаны, повелитель воздуха, бог ветра, полетов и птиц, любит путешествовать в белом плаще; его пави — сокол минген

Тутутика — покровительница Аму, самая юная из богов, богиня земледелия, красоты и пресной воды; ее пави — золотой карп

Кана и Рапа — сестры-близнецы, покровители Кокру; Кана — богиня огня и смерти; Рапа — богиня льда и сна; их пави — вороны-близнецы: черный и белый

Руфиццо — покровитель Фачи, бог врачевания; его пави — голубь

Тацзу — покровитель Гана, непредсказуемый, любитель хаоса и риска; бог морских течений, цунами и затонувших сокровищ; его пави — акула

Луто — покровитель Хаана, бог рыбаков, предсказаний будущего, математики и науки; его пави — морская черепаха

Фитовео — покровитель Римы, бог войны, охоты и кузнечного дела; его пави — волк

ВСЕ ПОД НЕБЕСАМИ

Глава 1 УБИЙЦА

*Дзуди, седьмой месяц
четырнадцатого года
Единых Сияющих Небес*

Белая птица, лишь изредка взмахивая крыльями, парила в чистом небе на западе.

Возможно, она покинула в поисках добычи свое гнездо, находившееся в нескольких милях отсюда, на одном из высочайших пиков гор Эр-Мэ. Но день для охоты был не самым лучшим — во владения хищника в залитой солнцем долине Порин вторглись люди.

Тысячи зрителей стояли по обе стороны широкой дороги, выходящей из Дзуди, не обращая на птицу никакого внимания. Они пришли, чтобы увидеть императорскую процессию.

По толпе пронесся дружный вздох восхищения, когда флот гигантских воздушных кораблей императора начал грациозно перестраиваться. Все смотрели в почтительном молчании на проезжавшие мимо тяжелые боевые колесницы и мощные катапульты для метания камней, на которых висели толстые связки бычьих сухожилий. Зрители прославляли предвидение императора и щедрость его инженеров, орошавших толпу душистой водой из ледяных повозок, прохладной и освежающей в пропитанном пылью и жарким солнцем северном Кокру.

Они хлопали в ладоши, приветствуя лучших танцоров из Шести покоренных королевств Тиро: пятьсот девушек из Фачи, обольстительно кружившихся в танце покрывал, — зрелище, прежде доступное только королевскому двору в Баомере; четыреста фехтовальщиков из Кокру, которые вращали клинки, мерцавшие холодным светом хризантем, демонстрируя зрителям мастерство и удивительное изящество; дюжины элегантных и величественных слонов с дикого и малонаселенного острова Экофи, украшенных цветами Семи королевств, — самый крупный самец нес на спине белый флаг Ксаны, как и следовало ожидать, остальных украшали цвета покоренных земель.

Слоны были запряжены в движущуюся платформу, на которой стояли двести лучших певцов островов Дара — хор, существование которого было невозможно до покорения Ксаны. Они пели новую песню, сочиненную великим ученым Луго Крупо в честь императорского тура по островам:

На севере плодородная Фача, зеленая, как глаза милосердного Руфиццо, Пастбища под ласковыми дождями, скалистые туманные утесы...

Рядом с движущейся платформой шли солдаты, которые бросали в толпу безделушки: декоративные узлы в стиле Ксаны, сделанные из кусочков разноцветной бечевки, знак Семи королевств. Узлы символизировали процветание и удачу, и зрители из всех сил старались заполучить чудесное напоминание о замечательном дне.

На юге замки Кокру, поля сорго и риса, светлые и темные: Красные — в честь боевой славы; белые — как гордая Рапа; черные — как скорбная Кана.

Зрители закричали с особенным восторгом, услышав строки, посвященные их родине.

На западе прекрасный Аму, сокровищница Тутутики, Сияющее изящество филигранных городов, окруженных двумя голубыми озерами.

На востоке блистающий Ган, где процветает торговля Тацзу, знаменитый своими играми, Богатый, как дары моря, образованный, как ученые в серых туниках.

За певцами снова шли солдаты, которые несли великолепные знамена, украшенные изображениями чудес Семи королевств: лунное сияние покрытых снегом отрогов горы Киджи; косяки рыбы, искрящиеся в озере Тутутика на восходе; всплывающие на

поверхность крубены и киты, виды побережья Волчьей Лапы; радостные толпы на широких улицах Пэна, столицы; серьезные ученые мужи, обсуждающие политику с мудрым, всезнающим императором...

На северо-западе возвышенные хаанцы, философский форум,
Способный увидеть пути богов на желтых ракушках Луто.

В середине окруженная лесами Рима, где солнечный свет
Пронизывает древние кроны и на землю падают тени,
Острые, словно черный клинок Фитовео.

И между каждым куплетом толпа пела вместе с певцами:

Мы склоняем головы, склоняем головы, склоняем головы
Перед великим Ксаной, повелителем воздуха.
Зачем противиться, зачем сопротивляться лорду Киджи,
Зачем соперничать, если мы не можем одержать победу?

Если рабские слова кого-то и беспокоили в толпе Кокру, многие из которой сражались с захватчиками из Ксаны менее дюжины лет назад, их ропот заглушило мощное пение остальных. Гипнотическое монотонное плетение звуков обладало собственной силой, словно повторение слов придавало им убедительность и делало истинными.

Но толпа еще не получила полного удовлетворения от зрелища, на которое собралась. Люди не видели главного участника шествия: императора.

Белая птица была уже заметно ближе. Ее крылья казались широкими и длинными, точно лопасти ветряных мельниц Дзуди, что помогали поднимать воду из глубоких колодцев и качать в дома богатых горожан, — слишком большими, чтобы принадлежать обычному орлу или стервятнику. Зрители начали поглядывать вверх и спрашивать себя: быть может, это гигантский сокол-минген, который пролетел более тысячи миль от своего дома на далеком острове Руи и которого специально выпустили здесь императорские дрессировщики, чтобы произвести впечатление на толпу?

Однако императорский шпион, прятаясь среди зрителей, посмотрел на птицу, нахмурил брови, потом повернулся и начал пробиваться сквозь толпу к временной трибуне, где собрались местные чиновники.

Предвкушение потрясающего зрелища только усилилось, когда мимо прошли императорские стражники, маршировавшие, точно колонны механических людей: глаза устремлены в одну

точку, руки и ноги двигаются в едином ритме, словно это марионетки, которыми управляет одна пара рук. Их дисциплина и порядок резко контрастировали с непринужденными танцорами, прошедшими ранее.

После короткой паузы зрители одобрительно взревели, совершенно позабыв, что именно эта армия уничтожила солдат Кокру и опозорила ее прежнюю аристократию. Толпа хотела увидеть зрелище, ей нравились блистающие доспехи и военное величие.

Птица приближалась.

— Уже близко! Уже близко!

Два четырнадцатилетних мальчика проталкивались сквозь плотную толпу, точно пара жеребцов, по полю сахарного тростника.

Первым шел Куни Гару, с прямыми длинными черными волосами, завязанными в узел в стиле учеников частных академий, коренастый — не толстый, но мускулистый, с сильными руками и бедрами. Его глаза, удлинённые и узкие, как у большинства жителей Кокру, светились умом и лукавством. Он даже не пытался вести себя вежливо, расталкивая локтями мужчин и женщин, чтобы поскорее пробраться вперед, и ему вслед неслись стоны и проклятия.

За ним следовал Рин Кода, долговязый и нервный, как чайка, летящая с попутным ветром за кормой корабля, и бормотал извинения разъяренным мужчинам и женщинам, которым приходилось расступаться перед его другом.

— Куни, я думаю, будет нормально, если мы останемся позади толпы, — сказал Рин. — Я правда считаю, что это не самая хорошая идея.

— Тогда не думай, — ответил Куни. — Твоя главная проблема в том, что ты слишком много думаешь. А ты просто делай.

— Наставник Лоинг говорил иначе: боги хотят, чтобы мы сначала думали и только потом действовали.

Рин поморщился и уклонился в сторону, когда один из мужчин выругался и попытался его ударить.

— Никто не знает, чего хотят боги. — Куни двигался вперед не оглядываясь. — Даже наставник Лоинг.

Наконец они выбрались из плотной толпы и оказались рядом с дорогой, возле проведенных мелом белых линий, за которые зрителям запрещалось заступать.

— Вот это называется «хороший вид», — заявил Куни, глубоко вдохнув и оглянувшись по сторонам, а потом, когда мимо них

прошли последние полуобнаженные танцовщицы из Фачи, одобрительно присвистнул: — Теперь я понимаю, как хорошо быть императором.

— Замолчи! Неужели в тюрьму хочешь?

Рин нервно огляделся, не обратил ли кто-нибудь на них внимание: Куни частенько говорил ужасные вещи, которые можно было легко принять за измену.

— Ну разве не лучше находиться здесь, чем сидеть в классе, вырезать из воска логограммы и учить наизусть «Трактат о нравственности» Кона Фиджи? — сказал Куни и положил руку на плечи Рина. — Ну признайся: ты рад, что пошел со мной?

Наставник Лоинг заявил, что не станет закрывать школу ради процессии, потому что император не хотел, чтобы дети прервали занятия, но Рин подозревал, что Лоинг принял такое решение из-за того, что ему не нравился император. Впрочем, нельзя сказать, что в основной своей массе жители Дзуди императора любили.

— Наставник Лоинг совершенно точно не одобрил бы это, — сказал Рин, хотя и сам не мог оторвать взгляда от танцовщиц в вуалях.

Куни рассмеялся.

— Если наставник отходит нас тростью за то, что прогуляли три дня занятий, давай получим за это удовольствие.

— Вот только ты всегда умудряешься придумать умные объяснения и избежать наказания, а я получаю в двойном размере!

Рев толпы достиг крещендо.

Император сидел на троне-пагоде, вытянув перед собой ноги в позе «такридо» и откинувшись на мягкие шелковые подушки. Только император мог сидеть так публично, потому что все остальные были ниже рангом.

Трон-пагода представлял собой пятиэтажное сооружение из бамбука и шелка, стоявшее на платформе из двадцати толстых бамбуковых шестов — десять вдоль, десять поперек, — которые несли на плечах сто полуобнаженных мужчин, умащенных маслом, чтобы тела сверкали на солнце.

Четыре нижних этажа трона-пагоды заполняли изощренные блестящие заводные модели, изображавшие Четыре мира: мир Огня в самом низу, населенный демонами, добывающими бриллианты и золото; далее мир Воды, полный рыб, морских змей и пульсирующих медуз; потом мир Земли, в котором жили люди, острова, плавающие в четырех морях; и, наконец, мир Воздуха на самом верху, обитель птиц и духов.

Закутанный в одеяния из мерцающего шелка, в короне — изумительном творении из золота и сияющих самоцветов, — над которой возвышалась статуэтка крубена, чешуйчатого кита и повелителя Четырех Безмятежных Морей, чей единственный рог был сделан из чистейшей слоновой кости, клыка юного слона, и чьи глаза — пара тяжелых черных бриллиантов, самых больших в Дарá, взятых из сокровищницы Кокру, когда пятнадцать лет назад он пал перед Ксаной — император Мапидэрэ прикрыл глаза одной рукой, прищурился, посмотрел на приближающуюся огромную птицу и громко осведомился:

— Что это такое?

У подножия медленно движущегося трона-пагоды императорский шпион сообщил капитану стражи, что все официальные лица Дзуди единодушно заявили, что никогда не видели такой странной птицы. Капитан шепотом отдал несколько приказов, и императорская стража, лучшие воины островов Дара, сплотили ряды вокруг сотни, несущей трон.

Император продолжал смотреть на гигантскую птицу, которая медленно приближалась. Она один раз взмахнула крыльями, и император, пытавшийся расслышать ее голос, заглушенный шумом возбужденной толпы, понял, что он удивительно похож на человеческий.

Турне по островам продолжалось уже более восьми месяцев. Император Мапидэрэ понимал, что должен напомнить покоренному населению о своей силе и власти, но устал. Ему не терпелось поскорее вернуться в Пэн, безупречный город, новую столицу, где можно наслаждаться собственным зоопарком и аквариумом. Там ему удалось собрать животных со всего Дара — в том числе и весьма экзотических, добытых пиратами, что плавали далеко за линию горизонта. Император хотел, чтобы трапезу готовил его любимый повар, однако был вынужден есть странные блюда, которые предлагали ему в каждом новом месте — возможно, лучшие деликатесы с точки зрения местной аристократии, — но его утомляла необходимость ждать, пока дегустаторы попробуют каждое из них, чтобы проверить, не отравлено ли, а потом неизбежно оказывалось, что еда слишком пряная или острая для его желудка.

Но самое главное, ему было скучно. Сотни вечерних приемов, которые устраивали местные чиновники и сановники, сливались в бесконечные однообразные топи. Где бы он ни появлялся, заверения в преданности и декларации смирения звучали одинаково. Часто у него возникало ощущение, что он каждый вечер

сидит среди зрителей в театре и смотрит один и тот же спектакль, только роли играют разные актеры в разных костюмах и декорациях.

Император наклонился вперед: странная птица оказалась самым интересным зрелищем за прошедшие месяцы. Теперь, когда она подлетела ближе, он смог разобрать детали, и оказалось, что это... вовсе не птица, а огромный змей из бумаги, шелка и бамбука, вот только веревки, которая тянулась бы за ним к земле, не видно. На змее — могло ли такое быть? — император разглядел человека.

— Интересно...

Капитан императорской стражи помчался наверх по изящным спиральным ступенькам внутри пагоды, перескакивая сразу через две или три.

— Ренга, нам следует принять меры предосторожности.

Император кивнул.

Носильщики опустили трон-пагоду на землю, и императорская стража остановилась. Лучники заняли позиции вокруг пагоды, а щитonosцы собрались у подножия, чтобы создать временное убежище и стену из огромных сомкнутых щитов, похожую на черепаший панцирь. Император постучал ногами по настилу, чтобы кровь начала снова циркулировать и он смог встать.

Толпа почувствовала, что остановка не была запланирована, и зрители задирали головы вверх, стараясь увидеть мишень, в которую целились лучники.

Диковинная парящая конструкция находилась всего в нескольких сотнях ярдов над ними.

Человек на змее потянул за несколько свисавших вниз веревок, птица-змей внезапно сложила крылья и нырнула к трону-пагоде, преодолев оставшееся расстояние за несколько мгновений. Человек издал пронзительный крик, от которого толпа содрогнулась, несмотря на жару.

— Смерть Ксане и императору Мэпидэрэ. Да живет вечно великий Хаан!

И, прежде чем кто-то успел отреагировать, человек со змее метнул огненный шар в трон-пагоду. Император смотрел на приближающуюся опасность, слишком ошеломленный, чтобы пошевелиться.

— Ренга!

Капитан стражи мгновенно оказался рядом с императором, одной рукой столкнул старика с трона, а другой со стоном поднял тяжелое кресло из железного дерева, покрытое золотом, прев-